

УДК 7.071.1

ББК 72

Лукина (Аминова) Галима Ураловна

Доктор искусствоведения, кандидат философских наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Государственный институт искусствознания, 125375, Россия, Москва, Козицкий пер., 5; профессор кафедры теории и истории музыки, Российская государственная специализированная академия искусств, 121165, Россия, Москва, Резервный проезд, 12
 ORCID ID: 0000-0002-7334-4985
 ResearcherID: M-3806-2018
 lukina@sias.ru

Хутарев-Гарнишевский Владимир Владимирович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры общегуманитарных дисциплин, Московский государственный институт культуры, 141406, Россия, Московская обл., Химки, ул. Библиотечная, 7
 ORCID ID: 0000-0001-9218-0739
 ResearcherID: AIA-2092-2022
 w.hutarew@gmail.com

Ключевые слова: воспоминание о композиторе, Н.П. Вишняков, С.И. Танеев, биография музыканта, дом С.И. Танеева по Малому Власьевскому переулку в Москве

Лукина (Аминова) Галима Ураловна,
Хутарев-Гарнишевский Владимир Владимирович

С.И. Танеев глазами домовладельца. Воспоминания Н.П. Вишнякова

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

DOI: 10.51678/2226-0072-2025-4-520-547

Для цит.: Лукина (Аминова) Г.У., Хутарев-Гарнишевский В.В.

С.И. Танеев глазами домовладельца. Воспоминания Н.П. Вишнякова // Художественная культура. 2025. № 4. С. 520-547.
<https://doi.org/10.51678/2226-0072-2025-4-520-547>

For cit.: Lukina (Aminova) G.U., Khutarev-Garnishevsky V.V.

S.I. Taneyev Through the Eyes of a Landlord. Memoirs of N.P. Vishnyakov. *Hudozhestvennaya kul'tura* [Art & Culture Studies], 2025, no. 4, pp. 520-547
<https://doi.org/10.51678/2226-0072-2025-4-520-547> (In Russian)

Lukina (Aminova) Galima U.

D.Sc. (in Art History), PhD (in Philosophy), Professor, Deputy Director for Scientific Work, State Institute for Art Studies, 5 Kozitsky Lane, Moscow, 125375, Russia; Professor of the Department of Theory and History of Music, Russian State Specialized Academy of Arts, 12 Rezervny Pas., Moscow, 121165, Russia
 ORCID ID: 0000-0002-7334-4985
 ResearcherID: M-3806-2018
 lukina@sias.ru

Khutarev-Garnishevsky Vladimir V.

PhD (in History), Associate Professor of the Department of General Humanitarian Disciplines, Moscow State Institute of Culture, 7 Bibliotchnaya Str., Khimki, Moscow Region, 141406, Russia
 ORCID ID: 0000-0001-9218-0739
 ResearcherID: AIA-2092-2022
 w.hutarew@gmail.com

Keywords: memoirs about the composer, N.P. Vishnyakov, S.I. Taneyev, musician's biography, S.I. Taneyev's House in Maly Vlasievsky Lane, Moscow

**Lukina (Aminova) Galima U.,
Khutarev-Garnishevsky Vladimir V.**

S.I. Taneyev Through the Eyes of a Landlord. Memoirs of N.P. Vishnyakov

Аннотация. Впервые публикуется уникальный архивный материал — воспоминания Н.П. Вишнякова (1844–1927) о С.И. Танееве (1856–1915), русском композиторе, педагоге, ученом, выдающемся деятеле русской музыкальной культуры. Рукописный оригинал обнаружен в Центральном государственном архиве города Москвы, где хранятся «Автобиографические заметки» Н.П. Вишнякова, домовладельца флигеля по Малому Власьевскому переулку, в котором Танеев жил последние годы жизни. Сравнивая с известными воспоминаниями других современников Танеева, авторы предисловия к публикации воспоминаний Вишнякова отмечают полемичность некоторых моментов в его изложении. Однако это не отменяет того сильнейшего впечатления, которое воспоминания оставляют у читателя.

Публикация осуществляется ради доступности этого раритетного материала и для воссоздания с помощью описаний современника живого образа Сергея Ивановича.

Abstract. For the first time, unique archival material is being published — the memoirs of N.P. Vishnyakov (1844–1927) about S.I. Taneyev (1856–1915), a Russian composer, teacher, scholar, and an outstanding figure of Russian musical culture. The handwritten original was discovered in the Central State Archive of the City of Moscow, where *The Autobiographical Notes* of N.P. Vishnyakov, the landlord of a wing in Maly Vlasievsky Lane where Taneyev spent the last years of his life, are preserved. In comparison with the well-known memoirs of Taneyev's other contemporaries, the authors of the preface to Vishnyakov's memoirs note the polemical character of certain passages. However, this does not diminish the strong impression that the memoirs leave on the reader.

The publication aims to make this rare material accessible and to recreate a vivid portrait of Sergei Ivanovich through the descriptions of his contemporary.

Предисловие

Изучая творческие биографии мастеров искусства, исследователи обращаются прежде всего к документальным источникам, которые позволяют максимально точно восстановить даты, события, жизненные обстоятельства, знаменательные встречи, повлиявшие на творческий поиск, рождение художественного замысла, становление стиля и т.д.

Помимо дневников, писем, личных записок, несомненную историческую ценность представляют воспоминания современников. Они не только дают возможность реконструировать прошлое, достоверно восстановить ход событий, но и рельефнее любого документа, живее и полнее представить облик, его портрет.

В отношении Сергея Ивановича Танеева (1856–1915) известно множество мемуарных зарисовок и свидетельств композиторов, музыкальных критиков, исполнителей, его учеников, большинство из которых написаны сразу после кончины композитора и опубликованы. Наиболее известные воспоминания принадлежат А.В. Александрову, Е.В. Богословскому, П.И. Васильеву, Ф.А. Гартману, А.Ф. Гедике, А.Б. Гольденвейзеру, А.Т. Гречанинову, В.Г. Каратыгину, Н.Д. Кашкину, Ю.Н. Померанцеву, С.В. Рахманинову, Л.Л. Сабанееву, З.Ф. Савёловой, М.И. Чайковскому, К.Р. Эйгесу, Ю.Д. Энгелю. Однако поскольку круг общения Танеева был очень широкий, его имя упоминается в мемуарной литературе не только музыкантов. Напомним хотя бы о первой книге мемуарной трилогии Андрея Белого (конец 1920-х — начало 1930-х годов), «На рубеже двух столетий», где он вспоминает: «...маленький танеевский особняк в Обуховом переулке: долгое время в нем жили два брата: композитор, Сергей Иванович, и адвокат, Владимир Иванович; вынося за скобку общую чудачливость, по-разному проявляемую, они были полной противоположностью друг другу: худой, бледный, русский, мрачный, злопамятный Владимир Иванович и полный, розовый, почти чернородый, незлобивый и рассеянный весельчак Сергей Иванович, ушедший в музыку, которую брат ненавидел: не мог выносить. <...> Сергей Иванович сильно побаивался крутоватого и его не щадившего брата, пока не перебрался от него в Гагаринский переулок, где я у него позднее бывал...» [Белый, 1989, с. 158]. А Белый здесь имеет в виду переезд композитора в апреле

Ил. 1. Вид на Малый Власьевский переулок с Гагаринского переулка, Москва. Первый дом справа — флигель усадьбы Н.П. Вишнякова, где жил С.И. Танеев. Начало XX века. Фото. Коллекция Э.В. Готье-Дюфайе. Источник: Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А.В. Щусева, номер по КП (ГИК): ГНИМА ОФ-94/1711

Fig. 1. View of Maly Vlasievsky Lane from Gagarin Lane, Moscow. The first house on the right is the wing of the estate of N.P. Vishnyakov, where S.I. Taneev lived. Beginning of the 20th century. Photo. Collection of E.V. Gautier-Dufayet. Source: A.V. Shchusev State Scientific Research Museum of Architecture, no. GNIMA OF-94/1711

1904 года в одноэтажный флигель с резными наличниками в усадьбе Н.П. Вишнякова⁽¹⁾, расположенного на углу Гагаринского и Малого Власьевского переулков⁽²⁾.

Предлагаемый вниманию читателя уникальный документ — неопубликованные мемуары Николая Петровича Вишнякова (1844–1927), домовладельца этого известного многим музыкантам флигеля⁽³⁾, в котором Танеев жил до самой смерти.

- (1) Основное здание усадьбы сооружено в 1817 году по заказу полковника Я.А. Казаринова. В середине XIX века и в 1877 году усадьба была перестроена. В 1903 году сделаны пристройки по проекту архитектора Михаила Андреевича Фелькнера.
- (2) Современный адрес: Москва, Пречистенка, Малый Власьевский переулок, дом 2/18, строение 3 (Гагаринский переулок, дом 18/2, строение 3).
- (3) Москва, Малый Власьевский переулок, дом 2. Это последний адрес С.И. Танеева. Дом площадью 100 квадратных метров состоял из семи комнат, две из которых выполняли функцию кабинета. После революции флигель переделали в коммунальную квартиру.

Ил. 2. Н.П. Вишняков с супругой Анной Васильевной Вишняковой (рожд. Каретниковой). Алупка. Начало XX века. Фото. Источник: ЦГА Москвы. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 525. Л. 15

Fig. 2. N.P. Vishnyakov with his wife Anna Vasilyevna Vishnyakova (born Karetnikova). Alupka. Beginning of the 20th century. Photo. Source: The Central State Archive of the City of Moscow, f. 1334, inv. 1, fol. 525, l. 15

Н.П. Вишняков — выходец из старомосковской купеческой семьи, выпускник Московского университета, крупный предприниматель, выдающийся деятель московского городского самоуправления, в течение нескольких десятилетий избирался гласным Московской городской думы разных созывов [Вишняков, 1905]. Он был известным в России и Европе ученым-геологом, собрал крупную коллекцию минералов и ископаемых, которая находится в Геологическом музее МГУ, состоял попечителем Третьяковской галереи; придерживался праволиберальных политических взглядов, дружил с А.И. и Н.И. Гучковыми⁽⁴⁾, организовывал предвыборную кампанию партии октябристов в Москве.

(4) Александр Иванович Гучков (1862–1936) и Николай Иванович Гучков (1860–1935) — представители династии московских купцов, промышленников и общественных деятелей.

Эпистолярное наследие Вишнякова значительно: он оставил после себя дневник «Автобиографические заметки», охватывающий 1872–1918 годы, записные книжки, обширную деловую и личную переписку с выдающимися людьми своего времени: московскими городскими головами Н.И. Астровым, Н.И. Гучковым, Н.А. Алексеевым, депутатами, политиками, промышленниками, градоначальниками, сенаторами, меценатом и создателем театрального музея А.А. Бахрушиным, основателем Пушкинского музея И.В. Цветаевым. Наибольшую известность получили его «Материалы по истории русского политического режима» и шеститомник «Думские воспоминания и впечатления», описывающий историю и работу Московской городской думы за 1897–1918 годы⁽⁵⁾. Рукописи, письма и дневники Вишнякова хранятся в пяти архивохранилищах Московского региона: в его личных фондах в Центральном государственном архиве города Москвы, в Российском государственном архиве литературы и искусства, в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки, в Отделе рукописей Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, а также в Московской губернской универсальной библиотеке в городе Пушкино [Хутарев-Гарнишевский, 2024, с. 273–275].

Как пишет Вишняков, знаком с Танеевым он был уже в 1880-е годы, когда Сергей Иванович возглавлял консерваторию⁽⁶⁾. Но только проживая почти одиннадцать лет под одной крышей, в разных зданиях единой городской усадьбы⁽⁷⁾, Вишняков и Танеев, если не сдружились, то начали близко общаться. Это был период, когда композитор покинул — в знак протеста против консервативных методов руководства — консерваторию (1905)⁽⁸⁾, и освобождение от директорской деятельности дало возможность Сергею Ивановичу заниматься

(5) Работы Вишнякова признаны исследователями истории Москвы как уникальный источник по истории общественно-политической, культурной и экономической жизни города конца XIX — начала XX века.

(6) С.И. Танеев возглавлял Московскую консерваторию с 1885 по 1889 год.

(7) Основное здание усадьбы сооружено в 1817 году по заказу полковника Я.А. Казаринова. В середине XIX века и в 1877 году усадьба была перестроена. В 1903 году сделаны пристройки по проекту архитектора Михаила Андреевича Фелькнера. С.И. Танеев жил в одной из них, в одноэтажном флигеле с резными наличниками.

(8) 4 марта 1905 года в № 60 «Русских ведомостей» опубликована статья Танеева «Московская Консерватория и ее управление (письмо в редакцию)».

и сочинительством, и исследованием полифонии. Именно тогда он завершил фундаментальный научный труд «Подвижной контрапункт строгого письма» (1906), написал квинтет (с двумя альтами, 1904), квартет E dur, op. 20 (1906), трио D dur, op. 22 (1908), 12 хоров на слова Я.П. Полонского op. 27 (1909), Концертную сюиту для скрипки op. 28 (1909), Прелюдию и фугу op. 29 (1910), фортепианный квинтет op. 30 g-moll (1910–1911), трио op. 31 (1912), стихотворения на слова Я.П. Полонского op. 32–34 (1911–1912), 16 хоров на слова К.Д. Бальмонта op. 35 (1913), кантату «По прочтении псалма» (слова А.С. Хомякова) op. 36 (1915). В эти годы он участвовал в организации и вел классы Народной консерватории (при Обществе народных университетов) в Москве (1906), давал бесплатные частные уроки по контрапункту, гармонии, форме, фуге, канону⁽⁹⁾; занимался активной музыкально-общественной деятельностью, в том числе был избран почетным членом Петербургского общества камерной музыки (1904), почетным членом Московского общества взаимного вспоможения оркестровых музыкантов (1905), Московского филармонического общества (1905), Московского общества распространения камерной музыки (1909), Петербургского отделения Русского музыкального общества (РМО) (1909), был одним из учредителей и активных членов общества «Музыкально-теоретическая библиотека» (с 1912) в Москве, почетным членом московского отделения РМО (1913); вошел в состав комиссии для редактирования собрания музыкально-критических статей Г.А. Лароша (наряду с Е.В. Богословским, Н.Д. Кашкиным, М.И. Чайковским, Ю.Д. Энгелем).

Период жизни в доме Вишнякова связан с многочисленными концертными поездками: в 1908 году — в Харьков, Казань, Берлин, Вену, Прагу, 1909 — в Киев, 1911 — в Берлин, Зальцбург⁽¹⁰⁾, Прагу,

Франкфурт-на-Майне⁽¹¹⁾. Из Москвы он уезжал в село Демьяново (Клин), Дютьково (с 1908)⁽¹²⁾, на лечение в Пятигорск, Кисловодск. В периоды его отсутствия в Москве между Танеевым и Вишняковым шла интенсивная переписка⁽¹³⁾.

Итак, Танеев переехал во флигель дома Вишнякова 4 мая 1904 года, о чем свидетельствует дневниковая запись композитора: «Ночевал на новой квартире» [Танеев, 1985, с. 135], — а в приложении к дневнику 1904 года, на его последних страницах он дополняет сведение адресом: «Гагаринский пер., дом Вишнякова» [Танеев, 1985, с. 422]. Л.Л. Сабанеев не без иронии в воспоминаниях отмечал, что квартира «вполне удовлетворяла строгим требованиям Танеева: она была “без удобств”, с водовозом, без канализации и даже с каким-то дореформенным косматым барбосом на большом и тихом, травкой поросшем провинциальном дворе. Но зато эта квартира была “полным особником” и имела два хода. Комнатки были маленькие-премаленькие... и рояль Сергея Ивановича занимал отдельную комнату, которую всю и заполнял...» [Сабанеев, 2003, с. 146]. Сохранилось описание и оперного певца Назария Григорьевича Райского (Капитонова)⁽¹⁴⁾, неоднократно посещавшего Сергея Ивановича: «Все, кто бывал в маленьком домике Вишнякова у Танеева, тот знает, что нужно было пройти наибольшую из всех комнат квартиры, где стояло кресло-качалка покойного Н.Г. Рубинштейна, и дальше шла дверь в маленькую комнату, в которой находился рояль Сергея Ивановича. Здесь происходило музицирование. <...> В квартире Танеева, как известно, не было электричества. Сергей

(9) Среди учеников этого периода были В.Е. Артынов, А.Т. Гречанинов, С.В. Евсеев, В.И. Садовников, Ю.М. Славинский, А.В. Станчинский и др. Список учеников см.: [Бернандт, 1983].

(10) Знаменательным событием для Танеева в Зальцбурге стало посещение зимой 1911 года музея В.А. Моцарта («Моцартеум»), где ему удалось изучить контрапунктическую тетрадь композитора. В Доме-музее П.И. Чайковского сохранилась машинописная копия описания с анализом содержания тетради с рукописными пометками Танеева [см.: Танеев, 1947, с. 182–195].

(11) См. хронограф, опубликованный в монографии: [Бернандт, 1983, с. 288–303].

(12) Впервые С.И. Танеев приехал в Дютьково в мае 1908 года по приглашению своего ученика — хорового дирижера Вячеслава Александровича Булычёва. Потом почти каждое лето до последних дней, а иногда и зимой Танеев снимал дачу в живописной деревушке.

(13) В архивном фонде Вишнякова сохранились письма Танеева к нему за период с 24 января 1904 года по 11 мая 1915 года, правда, письма Вишнякова пока не найдены. Об этой переписке см.: [Черемушкин, 2007, с. 120–123].

(14) Назарий Григорьевич Райский (Капитонов, 1876–1958) — певец (тенор), вокальный педагог, общественный деятель, заслуженный деятель искусств РСФСР (1944), доктор искусствоведения (1941). В начале 1900-х Райский был солистом оперного театра С.И. Зимина. Подробнее о Н.Г. Райском см.: [Наумов, 2025].

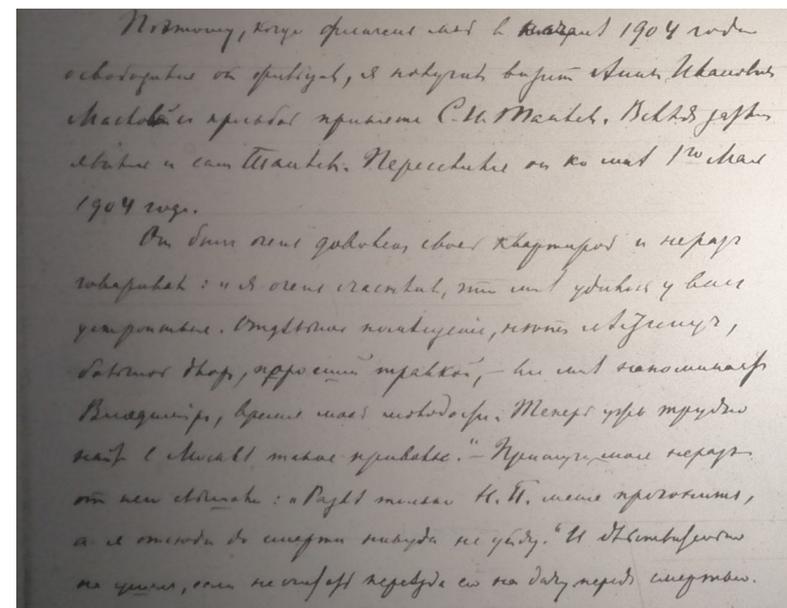
Иванович признавал только керосиновое освещение⁽¹⁵⁾» [Райский, 1961, с. 175]. Судя по всему, главным требованием в выборе квартиры для Танеева был не комфорт жизни, но необходимая для работы спокойная обстановка и тишина⁽¹⁶⁾. Все это было в доме по Гагаринскому. Ко всем прочим достоинствам новой квартиры сам Танеев относил зеленый большой двор, напоминающий ему «Владимир, время... молодости» [Вишняков, 1915–1917, л. 3], и отсутствие лестниц, что было важным в связи с его склонностью к полноте.

Воспоминания Николая Петровича о Танееве содержатся в «Автобиографических заметках» за 1915–1917 годы (часть IX), на девятом листе которых указана дата записи — 17⁽¹⁷⁾ июня 1915 года. В его обстоятельном рассказе нет благоговения, как в воспоминаниях многих современников. Николай Петрович, не являясь ни композитором, ни исполнителем, ни теоретиком музыки, оценивает, критикуя, музыку Танеева. Со всей взыскательностью Вишняков относился и к сочинениям А.С. Аренского, А.Н. Скрябина, как, в прочем, ко всей русской музыке, включая П.И. Чайковского, Н.А. Римского-Корсакова. Очевидно, подобное отношение отражает распространенный тогда скепсис публики, предпочитавшей западноевропейскую классику.

Вишняков отмечает и разницу в их с Танеевым «воззрениях на русскую музыку вообще», и то, что они были в целом «слишком разные люди» [Вишняков, 1915–1917, л. 1]. Однако, вероятно, необыкновенная наблюдательность, «привычка» записывать обо всем происходящем вокруг него, несомненный литературный дар и, конечно, интерес к неординарной личности Сергея Ивановича, определили то, что он «никогда не упускал возможности внимательно приглядываться к его психологии» и наконец захотел изложить «результаты своих наблюдений» [Вишняков, 1915–1917, л. 1]. Они не во всем совпадают с суждениями о Танееве и его музыке других современников,

что вполне закономерно, поскольку зависят от личного восприятия. Однако ценность этого текста, обнаруженного нами, состоит во множестве описаний обыденных и творческих событий жизни, диалогов, высказываний композитора.

Воспоминания Вишнякова из дневника публикуются по рукописному оригиналу, хранящемуся в ЦГА Москвы, по правилам современной грамматики и пунктуации, с раскрытием авторских сокращений для удобства чтения.

Ил. 3. Фото страницы воспоминаний Н.П. Вишнякова. Источник: Вишняков Н.П. Автобиографические заметки Н.П. Вишнякова за 1915–1917 гг. Часть IX // ЦГА Москвы. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 13. Л. 3. Фото: В.В. Хутарев-Гарнишевский

Fig. 3. Photo of the page of N.P. Vishnyakov's memoirs. Source: Vishnyakov N.P. N.P. Vishnyakov's Autobiographical Notes for 1915–1917. Part IX // The Central State Archive of the City of Moscow, f. 1334, inv. 1, fol. 13, l. 3. Photo: V.V. Khutarev-Garnishevsky

- (15) Вероятно, Танеев предпочитал электричеству керосиновые лампы, поскольку они не требовали сложной установки или подключения к источнику энергии и их можно было легко перенести из одного места в другое.
- (16) Л.Л. Сабанеев пишет о том, что предыдущая квартира «его не удовлетворяла более. Хозяин набавил ему, что Сергею Ивановичу было особенно неприятно ввиду его "финансового кризиса", и вдобавок еще завел внизу фортепиано, что уже совершенно не устраивало Танеева» [Сабанеев, 2003, с. 145].
- (17) В оригинале текста исправлено 16 на 17 или наоборот.

Сергей Иванович Танеев († 6 июня 1915 г.) Воспоминания

[Вишняков, 1915–1917]

С.И. Танеев жил у меня на квартире все последние 11 лет своей жизни вплоть до 3 июня 1915 года, когда его перевезли полубольного на автомобиле на его обычную дачу в селе Дютьково под Звенигородом. Там он провел только три ночи и скончался утром четвертого дня.

Все время его пребывания у меня у нас поддерживались хорошие отношения, хотя особого сближения не было, да и не могло быть. Мы были с ним слишком разные люди, чтобы сближаться. Бывали, однако, случаи, когда мы обменивались взглядами по разным вопросам, и я никогда не упускал возможности внимательно приглядываться к его психологии. Результаты своих наблюдений я хочу здесь изложить.

Первое мое знакомство с ним относится к весьма давнему времени — к 80-м годам прошлого столетия. Он был тогда директором Консерватории. Наслышавшись об нем, как о серьезном музыканте, я отправился к нему в Консерваторию с просьбой рекомендовать для моей дочери хорошую учительницу музыки. Дочь моя только что начинала учиться, и я рассчитывал, что от директора Консерватории и следовало ждать наилучшей рекомендации пианистки-педагога, которая и поставила бы руки моей дочери как следует, и сумела бы — а это самое главное — приохотить ее к музыке.

Танеев принял меня сухо и формально, как принимают докучливых просителей, от которых желательно чем-нибудь поскорее отвязаться. Прием этот произвел на меня крайне неблагоприятное впечатление по отношению к личности директора. Рекомендованная им в учительницы консерваторка (помню ее звали М-Иле Филонович⁽¹⁸⁾) оказалась решительно никуда не годной. Достаточно сказать, что на первых порах она хотела заинтересовать девочку какой-то уродской, но зато модной хрестоматией из произведений Рубинштейна, Чайковского, Римского-Корсакова и т.п. Преподавала неумело и бестолково,

(18) Антонина Филонович, ученица П.А. Пабста, проходила обучение в Московской консерватории в 1881–1889 годах.

так что на 2-й сезон я ее уже не пригласил. Конечно, я уже во второй раз не решился беспокоить Танеева.

Прошел длинный ряд лет, когда я не видел Танеева. От времени до времени в концертах приходилось выслушивать его произведения неизменно с одним результатом: скучно и бездарно. Ни тени вдохновения, порыва, луча света среди безбрежного моря звуков. Если бы еще впечатление это было одинокое! Но я не раз убеждался, что и другие выносят такое же впечатление при исполнении его сочинений. Помню, уже в позднейшее время, когда я попал на один из Керзинских концертов⁽¹⁹⁾, на которых, как известно, исполнялась исключительно музыка русских композиторов, около меня поместилось трое мужчин, судя по разговору их — профессиональных музыкантов. Читали программу. Когда дошли до какого-то сочинения Танеева, один из них воскликнул: «Ну это уже, конечно, одна скука!..»

Вот все, что я знал о Танееве до тех пор, покуда он не поселился у меня. Слышал я только, что из-за неладов с позднейшим директором Сафоновым он отказался от профессорства в Консерватории и вышел в отставку, не дослужив одного или двух лет до пенсии. На квартире он жил недалеко от меня в Мертвом переулке в доме Александрова-Дольника⁽²⁰⁾.

От времени до времени мне случалось встречаться с почтенным сослуживцем моего товарища и друга Федора Александровича Брока⁽²¹⁾ председателем департамента Московской судебной палаты Федором Ивановичем Масловым⁽²²⁾ и его сестрой Анной Ивановной. Как-то Анна Ивановна сказала мне: «Мы все любуемся на ваш флигель. “Вот бы мне отдали”, — говорил мне Сергей Иванович Танеев». При этом

(19) Концерты Клуба любителей русской музыки под руководством А.М. и М.С. Керзиных проходили в Москве в 1896–1912 годах в ресторане «Славянский базар» и в здании Московского Дворянского собрания. Среди прочих русских композиторов на них исполнялись и произведения С.И. Танеева.

(20) Дом коллежского секретаря Николая Константиновича Александрова-Дольника находился по адресу: Мертвый (ныне Пречистенский) переулок, 7а, домовладение 299/226. В 1911 году на его месте был возведен доходный дом архитектора Г.К. Олтаржевского.

(21) Федор Александрович Брок (1846–1909) — тайный советник, сенатор, председатель Смоленского окружного суда.

(22) Федор Иванович Маслов (1840–1915) — выпускник Императорского училища правоведения, однокашник П.И. Чайковского, председатель первого гражданского департамента Московской судебной палаты, обер-секретарь Межевого департамента Сената.

случае мне пришлось узнать, что Танеев — старый друг Масловых, с которыми он поддерживает самые близкие отношения. По летам Танеев ездил к ним в имение в Орловскую губернию.

Поэтому, когда флигель мой в начале 1904 года освободился от жильцов, я получил визит Анны Ивановны Масловой с просьбой принять С.И. Танеева. Вслед за тем явился и сам Танеев. Переселился он ко мне 1 мая 1904 года. Он был очень доволен своей квартирой и не раз говаривал: «Я очень счастлив, что мне удалось у Вас устроиться. Отдельное помещение, нет лестниц, большой двор, поросший травкой, — все мне напоминает Владимир, время моей молодости. Теперь уже трудно найти в Москве такое приволье». Прислуга моя не раз от него слышала: «Разве только Николай Петрович меня прогонит, а я отсюда до смерти никуда не уйду». И действительно не ушел, если не считать перехода его на дачу перед смертью.

Отношение его ко мне лично, особенно на первых порах, было какое-то недоверчивое, осторожное до смешного. Не знаю в точности тому причины. Кажется, он было считал меня только денежным человеком, т.е. таким, которого все главные помыслы направлены на обогащение, и он не мог скрыть брезгливости артиста и дворянской гордости. Да, мне всегда казалось, что в нем живо было дореформенное презрение дворянина ко мне как представителю купеческого рода, — старинная комическая черта его сословия. Между тем именно ему-то следовало признать мое полное бескорыстие по отношению к себе, так как за обладание целым флигелем в центральной части Москвы он платил мне смехотворно малую плату, объясняемую только нашим желанием иметь в нашем дворе безусловно покойного и нетребовательного жильца.

С другой стороны, зная, что я сам — пианист, Танеев, быть может, боялся, что я насыду на него с разного рода докучливыми беседами, буду спрашивать совета, требовать, чтобы он прослушал мое исполнение или даже чтобы поправлял какие-нибудь незрелые любительские потуги композиций. В самом деле: какое наказание артисту иметь хозяином докучливого хозяина-дилетанта?! В этом духе он высказался однажды довольно грубо, что тем более меня поразило, что в общем он отличался не только мягкостью, но даже некоторой маниловской елейностью в обращении. Придя как-то ко мне по какому-то делу (иначе он не ходил ко мне), он застал меня за роялью. «Вы, кажется,

играли?» — спросил он. «Да, — отвечал я, слепясь, — но будьте уверены, я не стану утруждать Вас моей игрой, потому что она едва ли способна доставить Вам удовольствие». «В этом Вы не ошибаетесь!» — ответил он сухо.

В этом эгоистическом отчуждении от людей не его круга чувствовалась несомненно сословная исключительность старого дворянства, ставящего поневоле грани в общении с людьми. Я никогда не могу почувствовать сердечности по отношению к индивидууму, который склонен думать, что мои понятия о чести ниже его понятий, что я способен вытащить у него платок из кармана и что о меня можно запачкаться.

Черта эта во всяком случае не свидетельствовала о тонкости ума покойного Танеева. Я не придаю ей большого значения, но констатировать ее должен. Ведь и на солнце есть пятна. У него было так много достоинств, чтобы особо упираться на мелкую психологическую погрешность.

Танеев относился к редким русским людям с цельным мирозерцанием. Кто из русской интеллигенции не склонен отвлекаться так или иначе от раз избранной деятельности, конечно, ей в ущерб? Укажу на бывшего профессора своего Василия Яковлевича Цингера⁽²³⁾, талантливого математика, сделавшегося ботаником; на другого профессора, чрезвычайно талантливого химика, Николая Эрастовича Лясковского⁽²⁴⁾, занимавшегося, кажется, всем на свете, кроме химии; на Сергея Алексеевича Усова⁽²⁵⁾, способного зоолога, ставшего археологом. И все эти талантливые и несомненно умные люди умерли, не оставив после себя следа в своей науке. Танеев был антиподом этих натур. Он очень рано сознал, что рожден музыкантом, всю свою жизнь был только

(23) Василий Яковлевич Цингер (1836–1907) — доктор чистой математики, почетный доктор ботаники, заслуженный профессор, проректор Императорского Московского университета (1878–1880), декан физико-математического факультета (1876–1878, 1880–1885).

(24) Николай Эрастович Лясковский (1816–1871) — доктор химии и физики, фармацевт, ученый аптекарь, ординарный профессор Императорского Московского университета, член Московского общества испытателей природы, Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

(25) Сергей Алексеевич Усов (1827–1886) — доктор зоологии, ординарный профессор Императорского Московского университета, первый директор Московского зоологического сада (ныне — Московский зоопарк), редактор «Вестника естественных наук», один из основателей Императорского русского общества акклиматизации животных и растений.

музыкантом, никуда в сторону не стремился и ничего другого не желал. Он был убежденный специалист-музыкант и всю свою жизнь видел только одну музыку перед собой. Так жил, так и умер. В этой односторонности, я скажу, было даже что-то узкое, чисто немецкое, совсем не русское. Не даром коллеги по музыке чуждались Сергея Ивановича и считали его огромным эгоистом.

Он им и был, несомненно, но это возникало естественно из цельности его натуры. Закононировавшись в свою ячейку, он требовал, чтобы его не тревожили за плетением его творческой паутины. Какое бы ни было признано достоинство за этой паутиной, он плел ее у меня на глазах одиннадцать лет и, если бы не умер, плел бы еще одиннадцать, двадцать, тридцать лет. Такова была его натура. Зная и высоко ценя его прекрасную благородную игру на фортепьяно (по-моему, самое главное его достоинство, которого он сам не ценил в надлежащей мере), я неоднократно высказывал ему сожаление, что он слишком редко выступает публично.

«Не люблю я концерттировать, — отвечал он, — да и в этом для меня нет смысла. Готовиться к концерту надобно тщательно и долго. Если бы я имел в виду поездки по России это — другое дело, но этих *tournees* артистических я всегда избегал, а расчета нет терять времени для одиночного выступления в Москве. Да и сердце не лежит у меня к исполнительству. Ах, если бы Вы знали, какое наслаждение — творить, сочинять самому вместо того, чтобы передавать только чужие мысли!»

И он был счастлив, изо дня в день корпя за разграфленными страницами «формата Чайковского» и усыпал их своими отчетливыми точками. То это был квартет, то трио, то кантата.

«Сколько отличных исполнителей исчезло, не оставив по себе следа? — говаривал он. — И вся эта их трескучая деятельность может ли сравниться с деятельностью какого-нибудь Баха!» Да, думал я про себя. Но ведь то был и Бах!

Вполне согласуется с моими воспоминаниями об нем и рассказ племянницы Танеева — Елены Владимировны Щелкан⁽²⁶⁾ о не раз вызываемой покойным жизнерадостности: «Люблю жизнь и хочу жить!

(26) Елена Владимировна Щелкан (1872–1957?) — дочь Владимира Ивановича Танеева (1840–1921), старшего брата композитора. Жена врача Николая Сергеевича Щелкана (1870–1944).

Хотя бы жить даже тогда, когда от всего меня осталась бы живой одна голова». Такие мысли мог высказывать только человек вполне собой удовлетворенный, не знающий колебаний ни сомнений, уверенный в настроении завтрашнего дня, замкнутый в себе и самодовлеющий в своем духовном одиночестве.

Философ? Да, были люди, считавшие Танеева философом. Он будто бы интересовался и много читал по философии и любил рассуждать. Мне случалось — в революционный 1905 год — не раз беседовать с ним на разные общественные темы, и я заметил в нем весьма много философского. По-видимому, он был толстовец, простодушный и наивный, со всеми недостатками и невежественностью Толстого. Разве это не прелесть, когда он мне ответил на мое замечание, что на удовлетворение многих городских нужд не хватает необходимых средств: «Да отчего не найти средств, Николай Петрович. Надо обложить только богатых, и средства будут». И премило при этом улыбался, очевидно, невинно не подозревая, что всякий налог сверху непременно будет давить и внизу, как всякая тяжесть на плечах давит и на ноги.

Едва ли следует приписывать какому бы то ни было влиянию толстовской морали большое бескорыстие Танеева и широкую благотворительность — по средствам, разумеется. После неприличного жеста к себе Сафонова Танеев просто и с большим достоинством только вышел из профессоров, никому не жалуясь, ни о чем не хлопота несмотря на то, что ему оставалось только два года до пенсии. А он был далеко не богат. «Я должен работать, — говаривал он. — Если я не буду сочинять, Николай Петрович, то мне нечем было бы платить Вам и за квартиру».

После смерти старой своей няни Пелагеи Васильевны, которую он любил как мать, Танеев благодетельствовал как всю ее родню, кого пристраивая к месту, кого выдавая замуж. Моя прислуга не раз упоминала о каком-то обедневшем субъекте в картузе с красным околышем, который ежемесячно приходил к Сергею Ивановичу за субсидией. Наконец — *incredible dictu*⁽²⁷⁾ для московских профессоров, — Танеев давал уроки даром. Это я сам от него слышал.

(27) Невероятно (лат.).

Он — который свободно мог требовать по четвертной⁽²⁸⁾ за урок — отказывался от этого источника дохода. Правда, ученики были, вероятно, более чем неимущие (вроде несчастного Станчинского⁽²⁹⁾), и брал он только по выбору, особо способных. Но, конечно, самопожертвование от этого не теряет своей цены. И для всего этого не требовалось вовсе никакой толстовской морали: просто Сергей Иванович был добрый и отзывчивый человек, с весьма ограниченными физическими потребностями, бессемейный бобыль. Это не то, что пианист Шор⁽³⁰⁾, который объявил мне во время оно, что он за урок на фортепьяно на дому берет по десяти рублей за полчаса. Правда, что Шор — еврей.

Кто-то осыпал любезностями известного композитора Обера, автора «Фенелли»⁽³¹⁾ и «Фра-Дьяволо», восхваляя его таланты. «Действительно, — ответил Auber, — у меня было три таланта: я работал, и еще работал и всегда работал». Это было вполне приложимо к покойному Танееву. Его всегда можно было застать либо за сочинением, либо за роялем. Бывало, возвращаешься откуда-нибудь во втором часу ночи и видишь еще свет в угловой комнате его квартиры, где помещался рояль. Он заигрывался до забытья. Покойная няня его Пелагея Васильевна ворчала: «Сидит все, сидит за работой Сергей Иванович до поздней ночи! Не вытерплю иногда и иду к нему: “Сергей Иванович, долго ли еще вам сидеть-то? Вон у Вишняковых давно огонь в столовой погашен”». Сидячая жизнь, несомненно, дурно повлияла на состояние его здоровья, особенно при его большой склонности к тучности: он умер от ожирения сердца. По Москве он гулял очень мало. Еще хуже было то, что, живя на даче, он еще недавно неумеренно много ходил, по его словам, до 20 верст. Это вызвало у него расширение вен, которое

уложило его в постель лет 10 тому назад и от которого он, кажется, навсегда заболел и не вылечился. Я тогда справлялся о лечении подобных недугов в Bagnols⁽³²⁾ во Франции, но Сергей Иванович отправился в Пятигорск, и лечение было ему в пользу.

В последние годы его пребывания мы с ним более сблизились и не раз обменивались письмами. Я изложил как-то недавно (месяцев 5–6 тому назад) в письме ему главные мои взгляды на музыку и с удовольствием услышал от него почти накануне его переезда на дачу, что он во многом со мною согласен. Когда я стал просить его о более подробном объяснении, он сказал, по обыкновению улыбаясь своей широкой русской улыбкой: «Я намерен подробно ответить вам и непременно это сделаю. Но я мыслю медленно, и мне нужно время, чтобы все хорошо обдумать». Очень жалею, что не получил этого ответа.

Соображая, однако, в чем заключались... наши предшествующие беседы, я думаю, что я в главном знаю сущность его убеждений. Его музыкальным богом был Бах, один Бах. Даже о Генделе он упоминал только вскользь. Он был убежденным и горячим сторонником классических форм, за что ему сильно доставалось от современных критиков, упрекавших его в музыкальном староверстве, в рутине, в отсталости. Говоря об этих критиках, он никогда не сердился, а напротив — как бы присоединялся к их мнению. Он как был говорил: «Да, я старовер, но мне хорошо в моей старой вере, и я ее не променяю на вашу».

«Чистота классических форм была тогда у Баха, — говорил он. — Сравните мессы Баха хоть, например, с Бетховеном и вы увидите, насколько Бетховен отклонялся от строгости стиля, насколько вольно обращался с голосами. Уже не говоря о Россини, который в своем “Requiem” дал образец чисто оперного характера».

Ни Вагнера, ни Листа Сергей Иванович недолюбливал. Однажды (впрочем, не один раз) я выражал ему удивление по поводу культа этих композиторов. «Это были образованные музыканты, — говорил я, — но у них не было и тени творчества: по крайней мере на меня все их произведения наводили уныние. И принципиально разве можно

(28) Купюра размером в 25 рублей.

(29) Алексей Владимирович Станчинский (1888–1914) — начинающий русский композитор, пианист, студент Московской консерватории, ученик С.И. Танеева, по признанию современников, обладал выдающимся фортепьянным дарованием, скончался в молодом возрасте от сердечного приступа.

(30) Давид Соломонович Шор (1867–1942) — пианист, член «Московского трио» (вместе с М.И. Альтшулером и Д.С. Крейном), преподаватель женского Елизаветинского института, директор собственной «Бетховеновской студии Д.С. Шор» и Женской гимназии Ф.Ф. Мансбах. Проживал в Крестовоздвиженском переулке, дом 7, в собственном доме недалеко от дома Вишняковых.

(31) «Фенелли» — российское название оперы Д.Ф.Э. Обера (1782–1871) «Немая из Портичи» (La muette de Portici, 1828).

(32) Предположительно, речь идет о популярном среди состоятельных людей в XIX — первой половине XX века термальном курорте Баньоль-де-л'Орн-Норманди (Bagnols de l'Orne Normandie, Франция).

согласиться с Вагнером, что человеческий голос имеет в полифонической музыке одинаковое значение, как скрипка или другой инструмент, не более». «Разумеется так! — ответил мне многозначительно Танеев. Также мы сходились во мнении о пресловутом Рихарде Штраусе и о декадентах всякого рода. Танеев очень любил своего ученика Скрябина, но совершенно отрицательно относился к его музыке.

Нас с ним разделяла главным образом разница в воззрениях на русскую музыку вообще. Воззрения Танеева на Чайковского, Римского-Корсакова, Глазунова, Калинникова и *tutti quanti*⁽³³⁾ были гораздо снисходительнее моих. Он все время отстаивал ту точку зрения, что я мало с ними знаком, и старался с ними знакомить. Для этого он присылал мне билет, например, на Керзинские концерты, на которых исполнялись произведения исключительно русских авторов. Чтобы познакомить меня с Аренским, он однажды принес ко мне несколько его фортепианных пьес и сыграл нам их⁽³⁴⁾. Мы выслушали и от души поблагодарили, но Аренскому тоже не суждено было заечь наше сердце. Я пробовал себя настроить на его лад, но из этого ничего не вышло: довольно неуклюже — в смысле фортепьянности — написанные пьесы Аренского содержанием своим совершенно не соответствовали тем механическим усилиям, которые надо было употребить, чтоб их выслушать, и я предпочел вернуться к Бетховену и Шопену.

Мне пришлось не раз слышать игру Сергея Ивановича на фортепьяно. Я был в восторге от ее благородности и сочности. Никаких грубых крикливых эффектов, ни утрированного *pianissimo*, ни барабанного боя с ударом и навесом. Конечно, он был не Гофман, но Гофманами редко бывают. Кроме упомянутого выше Аренского он играл мне кое-что из Баха. Бах особенно выходил у него хорошо. Слышал я и публичное исполнение им одного концерта Бетховена.

И так жил годами этот человек в сообществе старой няни и кухарки, а после смерти няни — с одной кухаркой, с весьма сварливой бабой. Я не раз выражал удивление, что ему не приходит в голову жениться. «Нельзя никак мне жениться, — шутил он. — Никакая жена

не выдержит — сбежит. Что за муж, который постоянно сидит, то за сочинением, то за роялем?!»

Я горжусь тем, что этот трудолюбивый музыкант обработал окончательно свой многолетний труд о подвижном контрапункте у меня на квартире. Кто знает, может быть, я немножко и ускорил напечатание этого труда постоянным напоминанием ему при встречах. Как, бывало, встречу его, то спрашиваю: «Скоро ли выйдет?» — обыкновенно ответ был: «Все готово, только нужно переправить, дополнить, изменить что-то». «Смотрите, Сергей Иванович, не слишком вдавайтесь в мелочи. Совершенства нет на свете. Как бы вы ни старались, пробелы будут. Значит, очень гоняться за ними не стоит. А беда будет неисправимая, если вы не успеете при жизни покончить с своим трудом. Эта участь постигала многих русских ученых и писателей». Но вторая часть этого труда, над которой он тоже сидел годами, «Канон и fuga», так и не успела выйти в свет, вероятно вследствие мешкотности.

Конец Танеева был таков. Во вторник он переехал в Дюльково на автомобиле всю дорогу. Значит, уже признано было неудобным его везти по железной дороге. Его сильно растрясло. Дача оказалась сырой, ибо никто не позаботился ее протопить. Покамест топили и напустили дыму, Танеев сидел на открытой террасе. А вечер был сырой. Потом он вздумал совершить какую-то прогулку в гору и добравшись доверху (разумеется, потный при его тучности и слабом сердце), присел отдохнуть. Вероятно, простудился. На следующий день почувствовал себя плохо. Местный врач не сумел помочь. Телеграфировал Райскому, и он привез в автомобиле Н.С. Кишкина⁽³⁵⁾. Кишкин определил сильнейшее ожирение сердца и предложил везти Танеева немедленно в Москву. Это было в пятницу, наступал уже вечер. Сочтено было неудобным везти больного ночью. Райский уехал в Москву в 2 часа ночи на субботу с тем, чтобы вернуться за Танеевым к 2 часам дня. Сергей Иванович остался на руках одной кухарки. По ее словам, в субботу 6 июня он встал с постели, как ни в чем небывало, напился чаю, съел яйцо с аппетитом, но скоро почувствовал себя плохо и лег. Дышать стал редко. Он взял ее

(33) Всех, какие есть (итал.) — выражение насмешливого тона.

(34) Это подтверждается и дневниками самого Танеева. Он пишет 13 декабря 1905 года: «Потом б[ыл] у хозяина Н.П. Вишнякова... Играл ему пьесы Аренского» [Танеев, 1985, с. 287-288].

(35) Николай Семенович Кишкин (1854–1919) — статский советник, доктор медицины, ординарный профессор Московского университета, постоянно лечивший Танеева. Обычно принимал пациентов по адресу: Пречистенка, дом Борщова, квартира 36. Директор Пропедевтической терапевтической клиники.

руку и крепко прижал ниже сердца, должно быть от боли, но все время был в сознании. Наконец сказал: «Дуняша, я умираю!», — и лишился сознания. Агония продолжалась с полчаса: в 11 часов 30 минут дня его не стало. В 2 часа, когда приехал Райский, уже он застал остывший труп.

Так покончил расчет с жизнью этот оригинальный и во всяком случае замечательный человек. Я его видел в последний раз в субботу, ровно за неделю до кончины, когда предлагал ему гулять у нас в саду. Он любезно поблагодарил, уведомив, что во вторник уедет в Дютьково. Когда я заметил ему, что у него несомненная одышка, он ответил: «Это у меня давно, но меня вовсе не беспокоит». Пожелавши друг другу хорошо провести лето, мы расстались, чтобы больше никогда не встретиться.

17 июня 1915 г.

P.S. Сергей Иванович написал одну оперу «Орестея», взятую из трилогии Эсхила. Уже один выбор такого отдаленного и чуждого нам сюжета из мифов давно исчезнувшего народа указывает, как далек он был от понимания интересов современности. Ее пробовали давать в Петербурге и дали два раза, после чего Направник потребовал ее сокращения. Само собой разумеется, что такое требование не могло исходить от одного каприза дирижера, служившего в данном случае отголоском общественного мнения. Однако Сергей Иванович с твердостью духа, заслуживавшей лучшей участи, отказался, вследствие чего опера была снята с репертуара. Декорации были свалены в сарай. Сергей Иванович говорил мне незадолго перед смертью, что «Орестею» будут исполнять в следующем сезоне в Москве и, кажется, очень тому радовался. По крайней мере, племянница его Щелкан рассказывала, что он говорил об этом ей с большим одушевлением, приглашая непременно приехать послушать это его произведение.

Что гонор Танеева был большой, доказывает его столкновение с Кусевицким⁽³⁶⁾. Устраивая серию своих концертов, Кусевицкий

позволил себе в предварительных афишах упомянуть в числе сотрудников и Танеева, у которого, однако, согласие еще испрошено не было. Танеев напечатал в газетах, что он согласия своего не давал и в концертах Кусевицкого никакого участия не принимает. Кусевицкому пришлось приехать и извиняться, причем Танеев сказал ему: «Богатые люди не должны думать, что им все позволено относительно бедных». Инцидент был улажен, и потом Танеев принимал участие в концертах и как исполнитель, и как композитор. Кантата его «По прочтении Псалма» была исполнена на последнем концерте Кусевицкого весной 1915 года. Ее очень хвалят за безукоризненную технику, но она носит все ту же печать скуки, как все творения этого маэстро. Я слышал и отрывки из «Орестеи», производящие те же впечатления. Нет, природа не давала таланта Сергею Ивановичу! Он совершенно лишен был дара зажигать сердца. Все у него сухо, безжизненно, бледно. И нередко — длинно. Быть может — за исключением нескольких романсов, которых, однако, все достоинство, может быть, заключается именно в краткости. Это не мешало быть ему умным, образованным и ученым музыкантом, отличным пианистом и прекрасным человеком, о потере которого следует очень жалеть. Но не следует идти далее.

В одном из последних NN «Голоса Москвы» (так сказать, предсмертных) была помещена статья Сабанеева «Скрябин и Танеев» очень дурного тона. Сабанеев был также учеником Танеева и так же, как и Скрябин, ушел в декадентщину. Танеев называл его апостолом Скрябина. Статья написана как будто с уважением к памяти Сергея Ивановича, а между тем в ней содержатся злостные намеки. Сергей Иванович никогда не запирался эгоистически в своем особняке и вывешивал записочку о нежелательности посещения только, когда был болен. К тому же непрощеным посетителям следовало понимать, что человеку, увлеченному своим делом, некогда было тратить время с людьми более или менее ему неприятными. Конечно, удаление Танеева в захолустье Дютькова было вызвано именно тем, что уже слишком допекали его своими посещениями и избранными, и избранными. Но еще более несправедливы намеки, будто Танеев посещал все скрябинские премьеры, силился понять новое направление «великого ученика» и огорчался, что не мог, будучи лишен интуиции, новых веяний. Это чистый вздор. Танееву нечего было понимать

(36) Сергей Александрович (Шмуль Шахнович) Кусевицкий (1874–1951) — контрабасист Большого театра, впоследствии дирижер, организатор гастролирующих «Концертов Сергея Кусевицкого» в Москве и Петрограде, нотопечатник, основатель «Российского музыкального издательства» (1909), в эмиграции — руководитель Бостонского симфонического оркестра.

в Скрябине, и он, как я неоднократно мог заметить из наших разговоров, интересовался Скрябиным лишь настолько, насколько всегда учителю свойственно интересоваться новыми шагами своего хотя бы и блудного ученика. Скорее следовало думать, что учитель, признавая известное музыкальное дарование в свихнувшемся ученике, надеялся, что рано или поздно он поймет неверность дороги, по которой пошел, и даст своему дарованию более достойное приложение. А что сам Скрябин скучал, выслушивая Танеева, я согласен, но в этом ничего нового нет: все скучали.

Источники:

- 1 *Вишняков Н.П.* Автобиографические заметки Н.П. Вишнякова за 1915–1917 гг. Часть IX // ЦГА Москвы. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–10.

Список литературы:

- 2 *Белый А.* На рубеже двух столетий / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Художественная литература, 1989. 543 с. (Серия литературных мемуаров).
- 3 *Бернандт Г.Б.* С.И. Танеев. 2-е изд. М.: Музыка, 1983. 288 с.
- 4 *Вишняков Н.П.* Сведения о купеческом роде Вишняковых... собранные Н. Вишняковым. Ч. 2: (1762–1847 гг.). М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1905. 250 с.
- 5 *Наумов А.В.* Реорганизационная деятельность Н.Г. Райского в период работы в Тифлисской консерватории (1929–1933): По материалам архива // Роль советских музыкальных деятелей в формировании национальных композиторских и исполнительских школ стран СНГ / Ред.-сост. З.А. Имамутдинова, Г.У. Лукина, Т.Э. Батагова. М.: Государственный институт искусствознания, 2025. С. 38–48.
- 6 *Райский Н.Г.* Из моих воспоминаний о встречах с С.В. Рахманиновым // Воспоминания о Рахманинове / Сост., ред., прим. и предисл. З. Апетян. Т. 2. 2-е изд. М.: Государственное музыкальное издательство, 1961. С. 175–177.
- 7 *Сабанеев Л.Л.* Воспоминания о Танееве. М.: Классика-XXI, 2003. 196 с. (Музыка в мемуарах).
- 8 *Танеев С.И.* Содержание тетради собственноручных упражнений Моцарта в строгом контрапункте // Памяти Сергея Ивановича Танеева (1856–1946): Сборник статей и материалов к 90-летию / Под редакцией Вл. Протопопова. М.: Музгиз, 1947. С. 182–195.
- 9 *Танеев С.И.* Дневники: 1894–1909: В 3 кн. Кн. 3: 1903–1909 / Коммент. Л.З. Корабельниковой, Л.И. Даренской. М.: Музыка, 1985. 559 с.
- 10 *Хутарев-Гарнишевский В.В.* Н.П. Вишняков — летописец московского самоуправления XIX — начала XX вв. Обзор эпистолярного наследия // История Москвы: методология, источниковедение, историография: Сборник материалов III научно-практической конференции: Посвящается 150-летию со дня рождения А.В. Щусева / Под общ. ред. С.В. Орлова. М.: Московская городская Дума, 2024. С. 273–282.
- 11 *Черемушкин И.Ю.* Записки С.И. Танеева Н.П. Вишнякову // Материалы конференции «Российская провинция: история, традиции, современность» / Под общ. ред. О.А. Монаковой; сост. И.Н. Зудина, О.А. Монакова]. Ковров: Маштекс, 2007. С. 120–123. (Рождественский сборник; вып. 14).

Sources:

- 1 Vishnyakov N.P. Avtobiograficheskie zametki N.P. Vishnyakova za 1915–1917 gg. [N.P. Vishnyakov's Autobiographical Notes for 1915–1917]. Part IX. *TSGA Moskvyy* [The Central State Archive of the City of Moscow], f. 1334, inv. 1, fol. 13, ll. 1–10. (In Russian)

References:

- 2 Belyi A. *Na rubezhe dvukh stoletii* [At the Turn of Two Centuries], intr. article, text's prep., com. A.V. Lavrov. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1989. 543 p. (Seriya literaturnykh memuarov [Series of Literary Memoirs]). (In Russian)
- 3 Bernand G.B. *S.I. Taneev* [S.I. Taneev]. 2nd ed. Moscow, Muzyka Publ., 1983. 288 p. (In Russian)
- 4 Vishnyakov N.P. *Svedeniya o kupecheskom rode Vishnyakovykh... sobrannye N. Vishnyakovym* [Information about the Merchant Family of Vishnyakovs... Collected by N. Vishnyakov]. Part 2: (1762–1847 gg. [1762–1847]). Moscow, Tipografiya G. Lissnera i D. Sobko Publ., 1905. 250 p. (In Russian)
- 5 Naumov A.V. *Reorganizatsionnaya deyatel'nost' N.G. Raiskogo v period raboty v Tiflisskoi konservatorii (1929–1933): Po materialam arkhiva* [Reorganization Activity of N.G. Raisky during His Work at the Tiflis Conservatory (1929–1933): Based on Archive Materials]. *Rol' sovetskikh muzykal'nykh deyatelei v formirovanii natsional'nykh kompozitorskikh i ispolnitel'skikh shkol stran SNG* [The Role of Soviet Musical Figures in the Formation of National Composing and Performing Schools in the CIS Countries], ed., comp. Z.A. Imamutdinova, G.U. Lukina, T.E. Batagova. Moscow, Gosudarstvennyi institut iskusstvovedeniya Publ., 2025, pp. 38–48. (In Russian)
- 6 Raisky N.G. *Iz moikh vospominanii o vstrechakh s S.V. Rakhmaninovym* [From My Memories of Meetings with S.V. Rachmaninov]. *Vospominaniya o Rakhmaninove* [Memories of Rachmaninov], comp., ed., notes, and preface Z. Apetyan. Vol. 2. 2nd ed. Moscow, Gosudarstvennoe muzykal'noe izdatel'stvo Publ., 1961, pp. 175–177. (In Russian)
- 7 Sabaneev L.L. *Vospominaniya o Taneeve* [Memoirs about Taneyev]. Moscow, Klassika-XXI Publ., 2003. 196 p. (Muzyka v memuarakh [Music in Memoires]). (In Russian)
- 8 Taneev S.I. *Soderzhanie tetrad' sobstvennoruchnykh uprazhnenii Motsarta v strogom kontrapunkte* [Contents of a Notebook of Mozart's Handwritten Exercises in Strict Counterpoint]. *Pamyati Sergeya Ivanovicha Taneeva (1856–1946): Sbornik statei i materialov k 90-letiyu* [In Memory of Sergei Ivanovich Taneev (1856–1946): Collection of Articles and Materials for the 90th Anniversary], ed. V. Protopopov. Moscow, Muzgiz Publ., 1947, pp. 182–195. (In Russian)
- 9 Taneev S.I. *Dnevnik: 1894–1909: V 3 kn.* [Diaries: 1894–1909: In 3 books]. Book 3: 1903–1909, com. L.Z. Korabelnikova, L.I. Darenskaya. Moscow, Muzyka Publ., 1985. 559 p. (In Russian)
- 10 Khutarev-Garnishevskiy V.V. *N.P. Vishnyakov – letopisets moskovskogo samoupravleniya XIX – nachala XX vv. Obzor ehpistol'yarnogo naslediya* [N.P. Vishnyakov, Chronicler of Moscow Self-government in the 19th and Early 20th Centuries. An Overview of the Epistolary Heritage]. *Istoriya Moskvyy: metodologiya, istochnikovedenie, istoriografiya: Sbornik materialov III nauchno-prakticheskoi konferentsii: Posvyashchaetsya 150-letiyu so dnya rozhdeniya A.V. Shchuseva* [The

History of Moscow: Methodology, Source Studies, Historiography: Collection of Materials of the 3rd Scientific and Practical Conference: Dedicated to the 150th Anniversary of the Birth of A.V. Shchusev], ed. S.V. Orlov. Moscow, Moskovskaya gorodskaya Duma Publ., 2024, pp. 273–282. (In Russian)

- 11 Cheremushkin I.Yu. *Zapiski S.I. Taneeva N.P. Vishnyakovu* [Notes of S.I. Taneyev to N.P. Vishnyakov]. *Materialy konferentsii "Rossiiskaya provintsiya: istoriya, traditsii, sovremennost'"* [Materials of the Conference "Russian Province: History, Traditions, Modernity"], ed. O.A. Monyakova, comp. I.N. Zudina, O.A. Monyakova. Kovrov, Mashteks Publ., 2007, pp. 120–123. (Rozhdestvenskii sbornik; vyp. 14 [Christmas Collection; issue 14]). (In Russian)